
Наталия КРАВЧЕНКО

* * *

От школьной и до гробовой
доски, беря всё выше ноту,
прожить хотелось мне с тобой,
не разлучаясь ни на йоту.

С тобой до гробовой доски
шагать в обнимку и под ручку,
не зная печали и тоски
иной, чем долгая отлучка.

И были общими года,
и жизнь лишь в белую полоску.
Мы были не разлей вода,
свои, как говорится, в доску.

Но в жизни каждый — новичок,
не помогла Господня помощь.
Доска кончается — бычок
вот-вот слетит в глухую полночь.

Хотелось поля и реки,
а вместо этого, а вместо —
твои неверные шаги,
твои беспомощные жесты...

Обрывки снов, осколки слов,
души раздерганные клочья...
Бессилен звон колоколов,
но как хочу тебе помочь я!

Наталия Кравченко родилась и живет в Саратове. Филолог, член Союза журналистов, работала корреспондентом ГТРК, социологом, редактором частного издательства. Читает публичные лекции о поэзии разных стран и эпох. Автор 18 книг стихов, литературных эссе и критических статей. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Порт-фолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь». Лауреат 13-го Международного конкурса поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, второе место). Финалист 5-го Международного конкурса поэзии им. Владимира Добина (Ашдод—Израиль). Лауреат международных поэтических конкурсов «Серебряный стрелец», «Цветаевская осень», «45 калибр», «Эмигрантская лира — 2013/2014», конкурса имени Игоря Царева «Пятая стихия», конкурса имени Дюка де Ришелье (Серебряный Дюк), международного конкурса «Серебряный голубь России-2016» (Санкт-Петербург, четвертая премия), финалист и дипломант межобластного конкурса поэзии «Чем жива душа...» (Ярославль, 2016), международного литературного конкурса «Родной дом» (Минск, 2016), лауреат литературной премии «Свой вариант» (Луганск, 2016).

Стою на краешке беды,
на роковом ее помосте,
где от восхода до звезды
мы в этом мире только гости.

И если нас сотрет с доски
вселенной тряпка меловая —
мы станем больше чем близки,
лишь в небесах охладевая...

* * *

Небесный Доктор, помоги
офонаревшему рассудку
весь этот мрак, в каком ни зги,
принять за чью-то злую шутку.

Судьба мне кажется дикий лик,
скользят над пропастью подошвы,
но как ни страшен этот миг —
молю его — продлись подольше!

Так жизнь убога, и бедна,
и далека от идеала,
но слава богу, не одна
я под покровом одеяла.

Все то же теплое плечо,
все та же ямка над ключицей.
В нее шепчу я горячо:
«С тобой плохого не случится!»

Не выть, не биться, не кричать,
искать ответ под облаками,
о темном будущем молчать
и отдалять его руками.

* * *

И от недружеского взора
счастливый домик охраняй!

Пушкин. Домовому

Чур-чур я в домике! И домик был счастливый...
А вот теперь над бездною завис.
О берег бьется океан бурливый.
Как страшно мне смотреть отсюда вниз.

Здесь всё, что я без памяти любила,
что мне сберечь уже не по плечу.
Прощай, наш домик! Рушатся стропила.
Я падаю. Но я еще лечу.

Потоком волн земные стены слижет,
но я с собой свой праздник унесу.
Мы падаем, а небо к нам все ближе.
Не знаю как, но я тебя спасу.

* * *

Ива, иволга и Волга,
влажный небосвод.
Я глядела долго-долго
в отраженья вод.

И казалось, что по следу
шла за мной беда,
что перетекала в Лету
волжская вода.

Словно слово Крысолова
вдаль зовет, маня...
Мальчик мой седоголовый,
обними меня.

Мы с тобой — живое ретро,
серебро виска.
В песне сумрачного ветра
слышится тоска.

Я не утолила жажды,
годам вопреки
мы войдем с тобою дважды
в оторопь реки.

Мы еще наговоримся
на исходе дней,
до того, как растворимся
в темной глубине.

* * *

А жизнь, бывает, так заденет,
что долго взять не можешь в толк:
сантехник, не берущий денег,
и дочь, дающая лишь в долг.

Дары прекрасной незнакомки,
чужие в облике друзей...
Мир целый в маминой заколке
и пустота вселенной всей.

* * *

В кофейной ли гуще, в стихах, во сне
увидится некий бред —
повсюду грядущее кажется мне
уайльдовский свой портрет.

Я кофе давно растворимый пью
и часов замедляю ход,
но вновь наступает на жизнь мою
непрощеный Новый год.

Меж прошлым и будущим — пять минут.
Застыло на миг бытие.
И бездне страшно в меня заглянуть.
Страшнее, чем мне — в нее.